

И. И. МОЧАЛОВ

Возвращаясь к «роковым» проблемам

Есть некая общая закономерность: ученый действительно крупный, выступающий к тому же и как незаурядный мыслитель, философ, с течением времени не только не мельчает, а, напротив, становится все глубже, богаче, обнаруживая такие грани своего таланта, которые его современниками не были в достаточной степени поняты и оценены. Так происходит и с наследием В. И. Вернадского. Многое, что в его творениях в свое время существовало лишь как нечто потенциальное, актуализируется, становится явным в контексте современного развития науки. И этот процесс нового прочтения Вернадского будет, очевидно, продолжаться в дальнейшем.

В наиболее значительных, ставших эпохальными естественно-научных трудах Вернадского практически невозможно провести жесткой демаркационной линии между их собственно-научной и философской частью. Поэтому интерес к наследию Вернадского неизбежно сопровождается углублением в мировоззрение ученого, изучением истоков, оснований, тенденций и закономерностей эволюции этого мировоззрения.

Споры вокруг идейного наследия Вернадского, пожалуй, даже необходимы не только в целях выяснения истины, но также и для того, чтобы это наследие служило науке настоящего и будущего с максимальной эффективностью и отдачей. Но следует при этом помнить то, о чем предупреждал со свойственной ему объективностью сам Вернадский, а именно: что в его творчество и мировоззрение «углубиться, конечно, нелегко. Для этого необходим большой, тяжелый труд».

Несомненный интерес в этой связи представляет очерк И. Забелина «Помпеи гениального ума: “Размышления натуралиста” В. И. Вернадского и современная наука», в котором рассматриваются принципиальные моменты научного творчества

и мировоззрения Вернадского. Можно было бы указать ряд несомненных достоинств этого увлекательно написанного очерка. Однако не все суждения и оценки Забелина являются в должной мере обоснованными, нередко в них много субъективного, идущего от самого автора и не отвечающего тому, как дело обстояло в действительности. К некоторым спорным вопросам этого очерка мы и обращаемся.

Прежде всего явно ошибочной представляется точка зрения Забелина, утверждающего, что, вводя понятие живого вещества — совокупности живых организмов, Вернадский будто бы «явно сужал проблематику биологии» и что, более того, якобы при этом «сужалось мировидение самого Вернадского, несколько искажалась картина мира, им создаваемая».

В действительности все обстояло как раз наоборот: с введением Вернадским понятия живого вещества проблематика биологии чрезвычайно расширялась и обогащалась, в нее входили принципиально новые вопросы, органически связывающие ее с проблемами экологии и геологической эволюции Земли. То же самое можно сказать и относительно мировидения Вернадского — благодаря понятию живого вещества и разработке учения о нем мировоззрение Вернадского поднялось на качественно новую ступень развития, в нем обнаружились принципиально новые грани и черты, возникли новые возможности его последующего развертывания по разнообразным направлениям, то есть в конечном итоге оно обогатилось принципиально новым содержанием*. <...>

Понятие живого вещества, научно обоснованное и введенное в естествознание Вернадским, учение о живом веществе, всесторонне им разработанное¹, в настоящее время стали фундаментальными теоретическими и философскими основаниями тех уже существующих и вновь возникающих наук о Земле, которые иногда принято называть науками биосферного цикла и в создание и разработку которых не случайно именно советскими учеными внесен вклад выдающегося значения. Помимо общей теории биосферы и биогеохимии, это биоэкология, биогеоценология, экологическая биогеография, геохимическая экология, морская биология и другие. Следует назвать также и биогеологию, буквально возникшую на наших глазах. Именно в этом прежде всего и можно усмотреть отмеченный Забелиным действительно «пророческий подход» Вернадского к явлениям

* Подробнее см. об этом в нашей статье «Биокосмические воззрения В. И. Вернадского» (Вестник АН СССР. 1979. № 11).

жизни, а отнюдь не в некоем «новом издании» биологического механицизма — «механистичности в объяснении сути жизни». <...>

В 1930—1940 годах В. И. Вернадский приходит к выводу, что в настоящее время на нашей планете протекает процесс перехода верхней, занятой живым веществом оболочки планеты — биосферы в новое геологическое состояние — ноосферу, то есть область, преобразованную разумом и трудом человека согласно своим целям и потребностям. Главные движущие силы этого перехода — широкие народные массы, в своих действиях опирающиеся на достижения научного знания. Союз науки и народных масс ученый рассматривал в качестве решающего фактора создания ноосферы.

Забелин верно подмечает, что у Вернадского встречается различное толкование времени возникновения ноосферы. Но свидетельствует это не о непоследовательности ученого, а о том, что к выработке своей точки зрения на этот вопрос он шел постепенно, преодолевая на своем пути определенные трудности и сомнения. В окончательном виде позиция Вернадского складывается в 1941—1944 годах: многочисленные дневниковые записи и письма этого периода, как и статья «Несколько слов о ноосфере», убедительно свидетельствуют о том, что создание ноосферы Вернадский относил к будущему. <...>

Забелин полагает, что проблема перехода биосферы в ноосферу стала для Вернадского роковой. Причину этого он усматривает в том, что сама эта проблема была неправильно поставлена, а значит, неразрешима. Закономерно поэтому, по его мнению, что «Вернадский потерпел с ноосферой неудачу», хотя и, добавляет он, «плодотворнейшую неудачу». Далее Забелин утверждает: «Биосфера ни теперь, ни в будущем не перейдет в ноосферу». Почему же? Суть его пояснений сводится к следующему.

«Переход биосферы в ноосферу, — пишет Забелин, — не может означать ничего иного, как некоторого “оразумления” геологической оболочки со всеми ее живыми и неживыми компонентами. Но гипотетический этот процесс действительно не поддается естественно-историческому описанию — он антиестественен и потому антилогичен. Богу — богово. Разум природен, но не всеобщ. “Панразумности” все-таки быть не может... Человек уже (я имею в виду положительный опыт) управляет природой локально и будет управлять во всепланетном масштабе — управлять с тонким пониманием ее законов. Но сами природные процессы — пусть управляемые — все равно оста-

нутя природными. Социально разумное не станет их новыми качественными чертами».

Приходится констатировать, что в данном случае Забелиным дается весьма упрощенная и прямолинейная трактовка ноосферы. Концепция ноосферы Вернадского гораздо шире, конкретнее и богаче по содержанию, нежели это представлено в изложении Забелина.

Переход биосферы в ноосферу Забелин представляет как некую действительно фантастическую замену природного социально разумным, как оразумление геологической оболочки и т. п., если пользоваться его терминологией. Тем самым Вернадскому приписывается идея, которая была органически чужда не только его концепции ноосферы, но и всему его мировоззрению и умонастроению в целом.

В понимании Вернадского ноосфера глубоко диалектична по своей сути — она не есть ни только природное, ни только социальное явление, а представляет собой синтез природного и социального, истории природы и истории общества. Возникновение ноосферы вовсе не означает отмену природного, то есть биосферы. Оно означает лишь, что в биосфере решающим фактором ее сохранения, преобразования и развития становится человечество. Но этот фактор сам является частью природы и действует в биосфере по ее же законам, а не вопреки им. Именно через такое понимание ноосферы и приходит Вернадский к признанию идей коммунизма, а не посредством той, в интерпретации Забелина, «плодотворнейшей неудачи», которая никуда привести не могла.

